

История и миф в романе В. Зазубрина «Горы»

В жизни и творчестве Зазубрина Алтай сыграл особую роль. «В тяжкие годы межвременья конца 20-х Зазубрин только на Алтае найдет спасение и вернется к роману, как в год рождения своей славы», — отметил биограф писателя В. Яранцев¹. Вот почему, переехав в Москву, Зазубрин «весь столичный период своей жизни писал сибирско-алтайский роман „Горы“»². Вероятно, алтайский материал как никакой другой позволял в полной мере раскрыть его индивидуальную мифологию.

Писатели двадцатых годов любили изображать революцию как стихию. Пафос советской литературы тридцатых — преодоление стихии и стихийности. Разделяя многие увлечения и заблуждения своей эпохи, Зазубрин воплотил поочередно обе концепции. Его роман «Два мира», написанный в 1920 г., по мнению В. Яранцева, «можно было назвать первым сибирским романом, а не советским, как это принято»: «Ни И. Калашников, ни И. Оммулевский, ни даже Г. Гребенщиков, ни другие сибирские романисты не дали такой „стихии“ в ее эпическом виде, как Зазубрин. Природа и человек здесь слиты в одном саморазрушающем порыве, не зависящем от воли большевиков: это не они победили, это самоуничтожилась большая масса людей, которая действовала слепо, как суровая зима»³.

Поучаствовав в Гражданской войне, сначала на стороне белых, потом — красных, Зазубрин своими глазами видел страшные последствия беспощадного русского бунта, а поскольку человеческая деструктивность поставлена им в один ряд с природными катаклизмами, у него неизбежно должна была возникнуть мысль о необходимости укрощения и социальной, и природной стихии любыми средствами. С конца двадцатых годов писатель часто говорит о том, что «только на цементе и железе» можно построить братский союз всех людей, и пусть при этом будет «выжжена, вырублена тайга, пусть вытоптаны будут степи». В период создания романа

«Горы» Зазубрин все еще во власти этой риторики. Хотя крайне экстремистских заявлений от лица автора в тексте нет, главный герой романа Иван Безуглый, набрасывая тезисы к докладу, первым делом записывает: «Сволочь природа»⁴.

Трудно представить советский роман 1930-х гг. без обращения к темам коллективизации, электрификации, индустриализации. Не обходит их в своей книге и Зазубрин. Субъективно он, видимо, задумывал создать произведение о социалистическом преобразовании некогда отсталой окраины России. Объективно получилось нечто иное. Поэтика романа «Горы» ориентирована скорее на неомифологические тексты, чем на каноны социалистического реализма. Свою индивидуальную мифологию Зазубрин строит на базе по меньшей мере четырех архаических претекстов: легенды о Беловодье, сказания об Александре Македонском, Книги пророка Исаии и тангутского предания о богинях Ане-гома-джаму и Нчжигму.

Экскурс в историю Алтая Зазубрин начинает, естественно, с мифа о Беловодье:

Сибирь издавна влекла к себе своим обилием и просторами. Страна, открытая и завоеванная людьми, бежавшими от жестокостей царя Ивана Грозного, стала обетованной землей для всех гонимых. <...> Они шли неутомимо, через таежные чащобы, через болота, озера, реки и горы. Они искали сказочное «Беловодье», где «господь бог щедрою рукою рассыпал всякого добра на поживу человека». Им выпало на долю освоить бескрайние богатые пустыни Сибири (с. 186).

Давно подмечено (и Зазубрин тоже это осознает), что легенды о Беловодье создавались в самые мрачные периоды русской истории, а так как по степени жестокости революционная эпоха намного превзошла времена Ивана Грозного и Петра I, мечта о Беловодье вспыхнула тогда с новой силой. Е. Папкина выделяет целую группу произведений двадцатых годов, в основе которых лежит сюжет поиска Беловодья: «В 1925 г. печатаются рассказ Вяч. Шишкова „Алые

сугробы“, повести Вс. Иванова „Бегствующий остров“, А. Караваевой „Золотой клюв“. Ненапечатанной остается повесть М. Плотникова „Беловодье“. Два года спустя, в начале 1927 г., А. Платонов начинает работу над рассказом „Иван Жох“, а Вс. Иванов — над повестью „Гибель Железной“. В каждом из указанных произведений беловодская легенда представлена по-разному. Все они имеют близкую проблематику. Ведущим является вопрос о „крестьянском царстве“⁵.

Примечательнее всего, что герои Зазубрина не только ищут Беловодье, но и находят его. На Алтае. Беловодье у каждого свое.

Кулак Поликарп Петрович Агапов объясняет свое переселение из Тамбовской губернии на Алтай: «Собрались... и махнули сюда, на молочные реки, на кисельные берега. <...> Человеку тут все дадено, как в раю, — земля, вода, лес, зверь и дикари, идолам поклоняющиеся» (с. 264, 268). Коммунист Безуглый на собрании партячейки рассказывает «о людях, которые поколение за поколением искали „Беловодье“ для всего человечества. Он сказал, что оно найдено. Горы препятствий — позади. Он утверждал, что люди могут быть счастливы, если на новой земле станут жить по-новому» (с. 236).

Главные события романа разворачиваются в селе Белые Ключи. Это символическое название тоже отсылает к легенде о Беловодье. Сказочная страна изобилия и свободы расположена здесь. Правда, люди со своими пороками и преступлениями сумели превратить ее в настоящий ад. Поселение обречено на проклятье, ведь его история начинается с преступления. Грехопадению Магафора и Милодоры, которые «как Адам и Ева» (с. 231) трудились у истоков Белых Ключей, предшествует не вкушение плодов с древа познания, а убийство. Магафор в первую же остановку на берегу Талицы убивает Киприяна и мужа Милодоры Евлантия.

Авторский ключ к прочтению романа содержится в названии «Горы» и эпитафии: «...им же (горам. — А.К.) высота яко до небесе и в горах тех клич и говор; и секут гору хотящие просещися» (с. 137). Зазубрин вспоминает старинное сказание об Александре Македонском, который заключил когда-то в неприступных горах сынов Иафетовых. Считается, что выход этих «нечистых людей» из заточения совпадет с днем Страшного суда. В «Откровении Мефодия Патарского» говорится: «В последняя же дни по пророчеству Езе-

киину глаголящу: в последняя дни на скончание мира излезеть Гог и Магог на землю Израилитьску иже суть цари язычестии, яже закова Александр об ону страну севера... яже вогнав аки в ограду Александр и заключи о них врата». Нечистота сынов Иафетовых, в изложении Мефодия Патарского, сводится исключительно к пищевым перверсиям: «...едаху бо всяк живот, жюпеличию тварь, гнусное и скверньное, комары и мухи, котки, змия... мертвецъ же не погребяху, но едяху»⁶.

Зазубрин пищевыми перверсиями щедро наделяет врагов советской власти, и на этом основании именно они могут считаться «нечистыми». Кулаки в романе — кровопийцы, причем не метафорические, а настоящие. В сцене срезки пантов они действительно буквально упиваются кровью маралов: «Кровь пили все: Моревы, Мамонтов, Чашегоров, Бухтеев и Пахтин. Пестимея и Лепестинья Филимоновна вымазали себе щеки. Мужики окровавили бороды» (с. 298). Косвенно всплывает у Зазубрина и мотив каннибализма. Безуглый в одном из эпизодов непонятно почему вдруг вспоминает Филиппо Цаппи: «Он увидел Рим, как большой костер в ночном небе. Над ним торчала черная рубаха Муссолини. „Фашизм спасет мир“. Из-за спины диктатора выглядывала рожа Цаппи. Труп Мальмгрена был распростерт на льду, как красный крест. Ничего у них нет. Их путь — от человека к зверю» (с. 206). Ф. Цаппи — участник полярной экспедиции У. Нобиле 1928 г., штурман дирижабля «Италия». Его сомнительная слава связана со слухами о том, что он выжил после катастрофы, съев Мальмгрена, тело которого так и не было найдено. Эта версия событий высказывалась в ряде газет того времени.

В последних боях Гражданской войны красный командир Иван Безуглый подобно герою древности запер в Кобанде, в «небольшой долине за высокими стенами хребтов» (с. 150), остатки отряда капитана Огорова. Зазубрин использовал в романе ряд фактов из биографии А.П. Кайгородова, возглавлявшего на Алтае в начале двадцатых годов партизанскую войну против большевиков. И фамилия героя — это лишь слегка подправленная фамилия местного лидера белого движения, но правка эта принципиальна. Семантика имени белогвардейского капитана в контексте основного мифа «Гор» (как станет очевидно из дальнейшего) связана, ко-

нечно, не с огородом, а с оградой. Подвиг Безуглого оказывается, однако, напрасным, да и сам он вскоре выступит уже не в качестве победителя «нечистых», а в качестве их воплощения. Как очень верно подметил в личности Зазубрина В. Яранцев, «двойственность — двоимирие, двойничество, двоемыслие — стало чертой его характера и творчества»⁷.

Белые Ключи отгорожены от большого мира стеной гор: «Долину обступали со всех сторон горы — Чупрачиха, Шебнюха, Воструха и Оградная. На вершине Оградной острые черные камни стояли плотным частоколом. <...> Безуглый подумал, что кержаки недаром так ее назвали. Она действительно надежной оградой отделяла их от всего мира» (с. 171). Англичане-концессионеры, прокладывая тракт, взрывают гору. «На нас... буржуи работают. Большевикам дорожки расчищают», — комментирует взрыв Безуглый (с. 209). Мифологический код позволяет интерпретировать уничтожение Оградной как шаг к символическому высвобождению скованных ранее сил хаоса. Уже сами большевики могут теперь ассоциироваться с «нечистыми», тем более что популярность такого рода символики была запрограммирована еще «Мистерией-буфф» Маяковского (1918), где главные герои «семь пар нечистых». В этом варианте прочтения текста с Александром Македонским сопоставлен русский царь, который «сковал столько людей» в Сибири (с. 229), а большевик Иван Безуглый — с «хотящими просещися» «нечистыми». Таким, в частности, предстает он в бредовом видении его брата Федора: «Он видел, что Иван взбирался на горы. Горы колебались, росли. <...> Иван долбил громадной кайлой. Камни сыпались огненными кусками» (с. 152).

«Сибирский мудрец» Семен Калистратович Бидарев на собрании по поводу создания в Белых Ключах колхоза цитирует книгу пророка Исаии:

Сказано в писании: «...Ибо будет последние дни явлена гора господня и дом божий наверху горы, и возвысится превыше холмов, и придут к ней народы. И пойдут народы многи и рекут: приидите и взыдем на гору господню... И раскуют мечи свои на орала и копыя свои на серпы, и не возьмет народ на народ меча, и не будет научиться воевать...» (с. 240).

Зазубрин на той же странице романа религиозный смысл образа пытается трансформиро-

вать в политический миф. Безуглый вспоминает Сталина на трибуне XV съезда партии: «Он (Сталин. — А.К.) видел, как в обвалах войн и революций, точно в первозданном хаосе, шли горнообразовательные процессы, и возникали материки нового мира» (с. 240). Впоследствии Безуглый уточнит, что гора господня, которая превыше всех холмов, — это коммуна: «Коммуны росли вулканическими островами в океане единоличных хозяйств. Коммунист подумал, что они — первые куски суши, которая скоро поднимется высочайшими горами» (с. 284).

И все же последнее слово в романе остается за врагами советской власти. Фис Канатич во время «валтасарова пира» кулаков довольно точно пересказывает тангутское предание из книги Г.Н. Потанина «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия»⁸, немного искажив имена богинь: Жаму и Гму вместо Ане-гома-джаму и Нчжигму.

Фис Канатич тонким и медовым своим голоском рассказывал индусскую легенду о сотворении земли. Хозяин и гости внимательно смотрели ему в рот.

— И вот, значит, граждане, довелось мне услышать от этого самого знаменитого ученого, от Григория Ивановича Потанина, одну умственную и справедливую сказку. Он своей рукой списал ее в книгу в Индейском царстве. Сказывают эти индей, что в одно распрекрасное время богиня Жаму позвала к себе богиню Гму, дала ей подол земли и наказала сотворить из нее нашу землю, животных и людей. Землю, говорит, изладь ровной, гладкой, чтобы не было на ней гор. Людей всех сделай равными, ни богатых, ни бедных чтобы не было. Иди, кидай из подола землю и приговаривай: «Где горам быть, чтобы не было гор. Кому богатому быть, не быть богатым. Кому бедному быть, не быть бедным». <...> И вот возразовалась богиня Гму, что ей такое великое дело препоручено, да на радостях все приговоры-наговоры перепутала. Идет, из подола землю кидает и говорит: «Где горам быть, будьте горы. Кому богатому быть, будьте богатыми, кому бедным быть, будьте бедны».

Фис Канатич засмеялся первым, за ним захохотали все. Всем сказка пришлась по душе.

— Гму эта самая и сделала нашу землю с горами, а людей неравных, богатых и бедных.

Андрон Агатимович сказал, поглаживая бороду:

— Согласен с тобой, Фис Канатич, умственность в сказке большая. По ровному месту и вода не бежит. Гор бы не было, реки не текли бы. Все будут равны, работать никому не захочется.

Все согласились с хозяином (с. 302).

Перед нами почти аллегория. Безуглый и другие коммунисты собирались, как богиня Жаму, сделать людей равными, но подобно

богине Гму все перепутали и посеяли лишь раздор и неравенство. «Высочайшие горы коммун», о которых мечтает Безуглый, — наглядное тому подтверждение. «Горнообразовательные процессы», инициированные демиургом нового мира Сталиным, сближают его с богиней Гму, но никак не с Жаму.

У романа «Горы» кольцевая композиция. В первой главе Безуглый видит на берегу Оби баб «со вздувшимися животами и с ребятами на руках». Авторский комментарий к эпизоду выводит его на уровень обобщения: «Земля была плодородна» (с. 138). В алтайской части романа, напротив, настойчиво звучит мотив истощения природы. Анчи, когда-то показавший отряду Безуглого переход на Кобанду через ледяные хребты, не может не видеть, что «обнищал отец Алтай» (с. 175). Тональность финала и вовсе противоположна началу романа. Жена Безуглова делает аборт, причем неудачный. Тяжко искалечен его сын. «Анна, кажется, тянет последние дни. Никита может отправиться за ней» (с. 322), — подводит неутешительные итоги герой.

Светлая утопия обернулась эсхатологией.

В заключительной сцене романа кулак Андрон Морев вынужден бежать из Белых Ключей. Безуглов «запирает» его в горах, как

когда-то во времена Гражданской войны последний отряд белых. История вступает в очередной цикл, но каждый новый виток приближает мир к его окончательной гибели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Яранцев В. Зазубрин: Главы из книги // Сибирские огни. 2010. № 5. С. 169.

² Яранцев В. Зазубрин: Главы из книги // Там же. № 12. С. 174.

³ Яранцев В. Зазубрин: Главы из книги // Там же. № 6. С. 175.

⁴ Зазубрин В.Я. Горы // Зазубрин В.Я. Бледная правда: Художественная проза, публицистика. М., 1992. С. 230. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием страницы в скобках.

⁵ Папкова Е. «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература первой трети XX в. в поисках крестьянского рая // Сибирские огни. 2011. № 4. С. 137.

⁶ Цит. по: Повесть временных лет. Ч. 2. М.; Л., 1950. С. 458.

⁷ Яранцев В. Последняя ночь Зазубрина // Москва. 2011. № 7. С. 195.

⁸ Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. Т. 2. С. 315.